

УДК 314.1 (571.6)

Ващук А.С.

Демографические угрозы и миграционные риски на юге российского Дальнего Востока в начале XXI в.

The demographic threats and the risks of migrations
in the south of the Russian Far East in early of the XXI century

---

В статье проанализированы новые тенденции влияния миграционного оттока и естественного фактора на сокращение численности населения юга российского Дальнего Востока. Выявлены взаимосвязи демографических (высокая смертность, низкая продолжительность жизни) и миграционных (отток людей с высшим образованием, специалистов и в трудоспособном возрасте) угроз. Проанализированы социально-демографические риски жесткого прагматизма миграционной политики, ориентированной только на привлечение дешевой рабочей силы.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, миграции, демографические угрозы, миграционные риски, миграционная убыль, миграционная политика, социальная безопасность*

The article deals with the new tendencies of the influence of migration and natural reproduction factors on the decrease of population in the south of the Russian Far East. The interdependence of the demographic (high mortality, short life expectancy) and migratory (mass departure of the people with higher education, the specialists and the persons of the capable of working age) threats are revealed. The social-demographic risks of the tough pragmatism of the migration policy which is directed only to receiving the cheap labor power are examined.

Key words: *Russian Far East, population, migrations, demographic treats, risks of migration, migratory decrease, migratory policy, social security*

На протяжении 60–80-х годов XX в. российский Дальний Восток,

несмотря на многие недостатки и технократизм региональной и миграционной политики Центра, получил существенный и довольно равномерный приток населения. Даже во время падения советской власти население Приморского Хабаровских краёв достигло наибольшей численности, соответственно – 2309,2 тыс. чел., 1855,4 тыс. чел. [3, с. 5-7]. Но уже в начале XXI в. проблема оттока населения с Дальнего Востока была внесена в число угроз национальной безопасности. Проблема оттока населения с российского Дальнего Востока в целом и отдельно из дальневосточных субъектов РФ стала самой популярной темой в научных статьях и экспертных материалах, выступлений политиков.

Однако, несмотря на большое количество публикаций, тема по-прежнему нуждается в дальнейшем исследовании. Во-первых, прошел уже солидный период осуществления новой миграционной политики на Дальнем Востоке, во-вторых, некоторые старые проблемы в социально-демографической сфере приобрели новый "облик". Это позволяет исследовать проблему в рамках концепции национальной безопасности, выделить вопрос о динамике влияния естественного (демографического) фактора и миграционного на изменения численности. И второй вопрос, который остается малоисследованным, – это выявление новых проявлений оттока населения, имеющих характер социальных угроз России.

Российское руководство, столкнувшись с вызовом времени – депопуляцией дальневосточного региона в конце XX в., хотя и не сразу, но приступило к поиску мер, которые могли бы приостановить процесс оттока населения. Мероприятия, проводимые региональными властями и соответствующими федеральными службами, вытекали из правительственных документов, но для региона, как показывает прошедшее десятилетие, они оказались неэффективными. Концепция миграционной политики разрабатывалась Правительством РФ с 1998 г. Параллельно Министерство труда России приняло в 2000 г. "Концепцию демографического развития Российской Федерации до 2016 г.", которая содержала раздел "Приоритеты демографического развития в области миграции и расселения". По мнению ряда аналитиков, акценты действия государственных органов в сфере миграции были расставлены правильно [10, с.38-48] и содержали приоритетные задачи:

- привлечение иммигрантов, в первую очередь из государств-участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы, Эстонии;

- создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала РФ;

- проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в РФ;

- совершенствование законодательства, касающегося защиты прав вынужденных мигрантов и регулирования миграционных процессов.

Авторы Концепции демографического развития предполагали разработать новые подходы к регулированию иммиграционных потоков, способствующих замещению естественной убыли населения РФ, а также к стимулированию иммиграции и общественно полезной интеграции мигрантов с учетом их возрастно-половых характеристик, уровня здоровья, профессиональной квалификации. В документе обращалось внимание на необходимость обеспечения сохранения численности населения в важных в геополитическом отношении регионах Российской Федерации, в том числе путем привлечения рабочей силы из других районов страны на временной, ротационной основе. Ставилась задача создания условий для возвращения в Российскую Федерацию эмигрантов, являющихся

высококвалифицированными специалистами [6].

Распоряжением Правительства РФ от 1.03.2003 г. (№ 256-р) была одобрена Концепция регулирования миграционных процессов в России, которая представляла собой систему взглядов на содержание и основные направления деятельности органов государственной власти в области управления миграционными процессами. В основу этой политики закладывался принцип необходимости "обеспечения условий социально-экономического и демографического развития страны". Одним из направлений Концепции стало "содействие добровольному переселению соотечественников из государств – участников СНГ и государств Балтии" [13]. Федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации было предписано учитывать положения Концепции при планировании и осуществлении мероприятий в области управления социально-экономическими процессами. Однако основное внимание в этом документе уделялось вопросам борьбы с нелегальной трудовой миграцией. "Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" [19] в дальневосточном регионе оказалась в новых условиях утопичным и фактически нереализованным проектом. Например, в Амурскую область на июнь 2010 г. сначала действия программы в регион переселились всего 27 участников государственной программы и 46 членов семьи. В Хабаровский край с 2007 г. прибыли 71 участник программы и 78 членов их семей, в Приморье соответственно 69 и 90 [17]. Причем, как показывают экспертные оценки, главным мотивом участников программы является получение российского гражданства, а не постоянное место жительства на Дальнем Востоке. Наши социологические исследования, проведенные в 2008 и 2009 гг. в Приморском крае, показывают, что около 60% респондентов также хотели бы получить российское гражданство, но остались бы на Дальнем Востоке только половина опрошенных, но при определенных условиях.

Принятые документы и меры по их реализации не оказали никакого влияния на улучшение демографической и миграционной ситуации в дальневосточном регионе. Уже в 2003 г. по сравнению с 1986 г. произошло резкое уменьшение объемов миграционных потоков как по прибытию на Дальний Восток (в 7,5 раза), так и по выбытию (4,4 раза). Число прибывших в регион в 1996 г. составило 28,7% к уровню 1986 г., в 2003 г. – 13,3% [12, с. 83].

В условиях радикально-либеральных реформ и смены ценностей наибольшей миграционной подвижностью обладала молодежь. Отток молодежи также оказывал влияние на темпы "старения" населения в регионе. В 1998 г. средний возраст населения Дальнего Востока составлял: мужчины – 32,9 лет, женщины – 36,7, в 2009 г. уже соответственно – 35,4 и 40,2.

Власти дальневосточных субъектов РФ при разработке социально-экономических стратегий развития своих территорий традиционно, как и в советскую эпоху, уделяли особое внимание пополнению трудовых ресурсов, но главным образом уже за счет привлечения иностранной рабочей силы. Тогда как во второй половине XX в. преимущественно шло перераспределение трудовых ресурсов в рамках СССР.

Привлечение иностранной рабочей силы, уже представленное во многих публикациях, позволило предпринимателям и региональным, частично муниципальным властям, в краткие сроки решать вопросы кадрового дефицита, в основном за счет неквалифицированных работников [1, с. 212-226]. Приход на рынок труда иностранной рабочей силы в 90-е годы XX в. – начале XXI в., за исключением в крайне небольшой

степени из ближнего зарубежья, не являлся источником демографического развития. Этот тип миграции не оказывал влияния на укрепление демографического потенциала территории.

В 2004 – 2008 гг. статистка зафиксировала новую социально-демографическую тенденцию: на некоторых территориях при сокращении общей численности населения Дальнего Востока проявилось уменьшение роли фактора массового оттока, но увеличение влияния естественной убыли в общем процессе. В сокращении общей численности населения возрастает угроза естественного фактора. Особенно ярко эта тенденция проявилась в южной части региона. Здесь, начиная с 2003 г., естественная убыль стала преобладать над миграционной [2, с. 38]. Рис. 1 наглядно демонстрирует угрозу социальной безопасности России.

Рисунок 1. Удельный вес миграционного оттока и естественного фактора в общей убыли населения Приморского края в 2004–2008 гг. (в %)

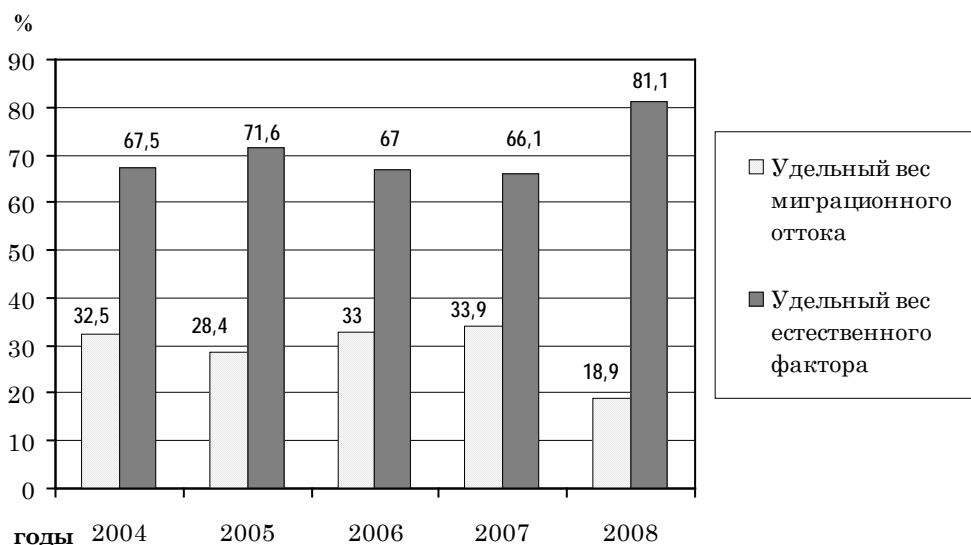

Рисунок показывает, что доля естественного фактора в сокращении населения юга Дальнего Востока в течение пяти лет неумолимо возрастала. За 2008 г. численность населения Приморского края сократилась на 7,8 тыс. чел. Снижение численности произошло за счет естественной убыли на 81,1%, а миграционного оттока – на 18,9%. За период 2000 – 2007 гг. наибольшая естественная убыль населения в ДВФО была зафиксирована в 2005 г. В 2007 г. эта опасная тенденция особенно рельефно проявилась в южной части региона: в абсолютных показателях по естественной убыли на первом месте находился Приморский край, на втором – Хабаровский и на третьем – Амурская область.

В то же время важно выявить, что же стоит за статистикой снижения доли миграционного оттока в общем процессе сокращения численности населения? Эта тенденция – закономерный результат соединения демографических и миграционных процессов второй половины 90-х годов XX в., которая продолжалась в 2000–2003 гг. Последствия социальных потрясений, вызванные ходом реализации реформ – миграционный отток и демографический кризис, можно проиллюстрировать на примере

Приморья. В крае произошло старение населения и падение рождаемости. Если в 1960 г. в крае родилось 32,8 тыс. детей, то в 2007 г. только – 22,4 тыс. чел., а умерло соответственно 8,6 и 29,1 тыс. чел. В начале XXI в. превалировала однодетная репродуктивная модель семьи населения, тогда как в середине прошлого века, в условиях советской социальной политики преобладала семья из двух–трех детей.

Одной из самых острых проблем преодоления демографического кризиса в регионе в начале XXI в. остается высокий уровень смертности. Модернизация социальной сферы в России, которую российская бюрократия проводила на основе технократических принципов во всех регионах, особенно, в малых городах и селах, привела к тому, что "компонент любой человеческой деятельности, созидательной и разрушительной" стал создавать риски и опасности [22, с. 21-44]. Реформы в системе здравоохранения имели созидательную тенденцию в крупных городах, для определенной части населения, для подавляющей же части дальневосточников – эффект оказался разрушительным. В 2000-е годы на Дальнем Востоке России явно прослеживались последствия бюрократической модернизации, превратившие регион в территорию социальных рисков.

Таким образом, новая пропорция, раскрывающая роль миграционного оттока и естественного фактора в снижении численности постоянного населения, является закономерным, зеркальным отражением проведенных экономических и социальных реформ на Дальнем Востоке [9, с. 305-390; 16, с. 63-227; 11]. Но в то же время она свидетельствует еще об одном явлении. В регионе снизился эмиграционный потенциал и возродился традиционный российский ментальный комплекс "долготерпеливости". Как форма социальной апатии, она представляет новую социально-политическую угрозу, сдерживающую формирование гражданского общества. Миграции традиционно в регионе участвовали в формировании региональной политической культуры, в начале XXI в. они начали выполнять деструктивную функцию: отток активного населения и приток трудовых мигрантов, которые являются политически пассивными.

Новый "облик" миграций, в форме снижения миграционного оборота, показывает, что на юге Дальнего Востока остались люди, которые не имеют возможности и средств переехать в другие регионы, они не обладают набором качеств, необходимых для потенциального мигранта или адаптировались уже к радикальным переменам, а также к местным социально-политическим условиям. Продолжавшийся процесс социально-имущественной поляризации в регионе свидетельствует, что просто снижается численность потенциальных эмигрантов и степень миграционной мобильности [20, с. 50]. Сравнение тенденций, наблюдающихся в миграционной сфере также в области дифференциации доходов, дает важный исследовательский результат. В большинстве дальневосточных субъектов РФ сложилась ситуация, когда экономический рост сказывался на увеличении дифференциации между доходами бедных и богатых, а не на снижении бедности. Усиление неравномерности распределения общего объема денежных доходов населения Приморского края в 2000–2008 гг. наглядно иллюстрирует "кривая Лоренца", приведенная в аналитической записке Приморскстата [20, с. 37]. Одновременно, начиная с 2000 г. региональная дифференциация доходов набирала обороты и продолжала нарастать даже в условиях сравнительно-низкой инфляции. В эти же и последовавшие годы наблюдалось уменьшение валового миграционного оборота, а также некоторое снижение численности уехавших как в целом с Дальнего Востока, так и из южных территорий.

Причины смены жительства мигранты (из Приморья в возрасте 14

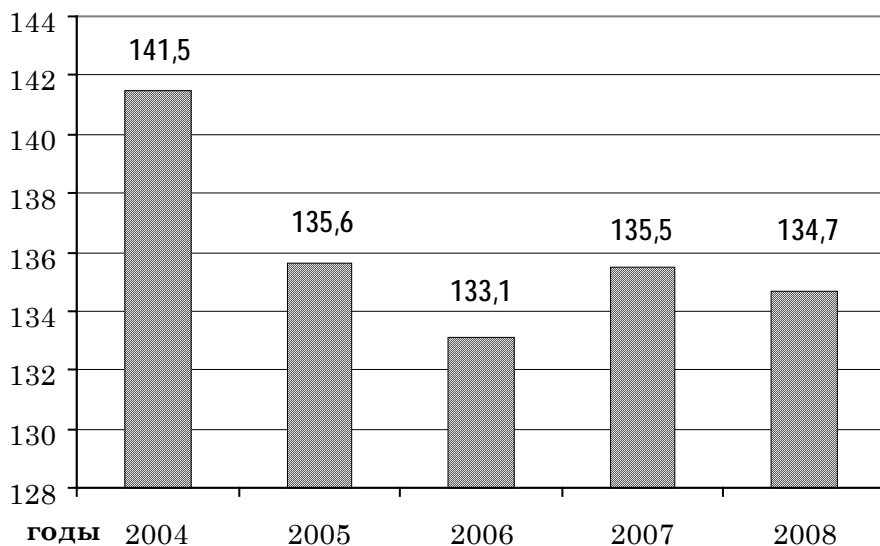
лет и старше) указывают разные, например: личного и семейного характера (67,3%), смена и поиск работы (14,5%), возврат к прежнему месту жительства (10,8%). Эти же причины были основными у тех, кто приехал в край (67,4%, 18,9%, 9% соответственно) [20, с. 34]. Превышение показателя выбывавших по причине поиска работы над соответствующим показателем приехавших свидетельствует о неудовлетворенности условиями и оплатой труда. За данными мотивации "по личным и семейным причинам" часто кроется просто неудовлетворенность условиями жизни в регионе.

Рост информированности населения о более высоком уровне жизни закономерно поддерживал уровень миграционной мобильности. Мотивацией отъезда с Дальнего Востока "по личным причинам" могла стать информация об ожидаемой продолжительности жизни: если в среднем по РФ она в 2000 г. составляла 65,3 года и возросла к 2007 г., составив 67,5 лет, то по ДВФО этот рост был незначительным (63,2 лет и 64,9 лет) [5, с. 59]. Этот показатель, естественно, являлся выталкивающим фактором населения в более благополучные районы.

С Дальнего Востока за 5 лет выехало 680,4 тыс. чел., хотя абсолютная численность эмигрантов снижалась неравномерно (рис. 2) [8].

Рисунок 2. Динамика выехавших из

тыс. чел.

Дальневосточного федерального округа в 2004-2008 гг.

В дальневосточном федеральном округе в 2006 г. на 100 тыс. постоянного населения было зафиксировано 343 чел. миграционной убыли, в среднем по России – 90 чел. миграционного прироста. В 2007 г. миграционная убыль населения ДВФО составила 15 915 чел.; 2008 г. – 19 192 чел.; 2009 г. – 17 919 чел. [7]. Сопоставление показателей естественного и миграционного движения населения показывает, что основной причиной сокращения в большинстве дальневосточных субъектов по-прежнему являлись миграционные процессы, но в Приморском крае в течение ряда лет естественная убыль преобладала над миграционной.

В ДВФО по абсолютным показателям миграционной убыли в 2007 г. на первом месте находилась Республика Саха (Якутия), на втором – Амурская область, на третьем – Приморский край.

Социально-демографическую угрозу составляет отток населения из региона с высшим образованием (с неполным высшим), средним профессиональным образованием, людей в трудоспособном возрасте. Доля таких эмигрантов из Приморского края составляла в 2004 г. – 58,4%, в 2005 г – 61,9%, в 2006 – 63,4, 2007 г. – 64,5%, 2008 г. – 63,9% [15, с. 59]. В 2008 г. на долю эмигрантов в трудоспособном возрасте и моложе трудоспособного приходилось 74,8% [15, с. 60].

Итак, куда же уезжали люди в 2004 – 2008 гг.? Например, из Приморского края в основном мигранты выбывали в Центральный федеральный округ. Туда уезжали от 9,1% до 10,7% людей от общего числа выбывших. Мигранты преимущественно выбирали Московскую область, в 2008 г. туда переехало 871 чел., в столичные города – Москву (522 чел.) и Санкт-Петербург (729 чел.). Таким образом, из 2789 чел, отбывших из Приморья в Центральный федеральный округ, 76% эмигрантов считали этот регион России наиболее благоприятным для жизни. На втором месте оказался Сибирский ФО. Доля тех, кто предпочитал Сибирь Приморскому краю, была в рассматриваемое десятилетие стабильной, хотя туда уезжало людей меньше, чем в Центральный ФО. Далее мигранты делали свой выбор в пользу Северо-Западного ФО. Наибольшая численность выехавших людей в этот регион, пришлось на 2004 г., наименьшая – на 2005 г. Среди территорий, которые выбрали бывшие дальневосточники, оказался также Южный федеральный округ, даже, несмотря на близость беспокойных территорий. За пять лет туда переехало 6905 чел. [20, с. 37]. Надо заметить, что вектор переселений в ЦФО это не только дальневосточная специфика, он был типичен и для Сибири [4, с. 191]. Так называемый западный дрейф существует давно, временами, то усиливаясь, то ослабевая [14, с. 50], но после распада СССР Дальний Восток стал терять население в таких масштабах впервые со времени его освоения Россией, что означает демографический и миграционный риск цивилизационного масштаба.

Этот западный вектор переселения дальневосточников и сибиряков усиливает ситуацию диспропорций населенности российских регионов. И как доказывают сибирские авторы, вектор сокращения численности страны по-прежнему, как и в конце XX в., имеет четкую направленность: чем ближе территория к восточным рубежам, тем интенсивнее происходит сокращение численности [18, с. 229]. Но социальная угроза в начале XXI в. на юге Дальнего Востока наступает уже в другом, более опасном облике – усилении влияния естественного фактора на сокращение численности, и оттока более мобильной и образованной части социума. Наступающая угроза должна ориентировать региональные власти на поддержку проектов, прежде всего закрепления населения, особенно молодежи, стратегию усиления демографического потенциала восточных территорий России. Но пока в бизнес-элите, в политической элите, а также в экспертном сообществе преобладает ориентация на привлечение дешевой рабочей силы. Станет ли эта стратегия локомотивом увеличения постоянного населения?

Глубина и масштабы демографического кризиса на востоке, вышедшего на поверхность в начале нового века с особой остротой, по-прежнему, как это и было в конце прошлого века, требуют от правительства рассмотрения миграционной политики только в тесной взаимосвязи с демографической, приоритетностью последней над некоторыми миграционными мерами на востоке России. Вся проанализированная "зафасадная" картина снижения доли миграционного фактора и роста естественного в

сокращении численности населения юга региона еще раз подчеркивает опасность демографической угрозы не только для дальневосточных территорий, но и для всей России.

Литература

1. Ващук А.С. Мигранты на Дальневосточном рынке труда в начале XXI в. // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.
2. Дальний Восток России (Положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО) 2008. Доклад. Владивосток: Приморскстат. 2008. С. 38.
3. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложения / Под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс-Экопрос, 1993. 124 с.
4. Дашинамжилов О.Б. Миграционные процессы в Бурятии в 1990-е годы // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. 261 с.
5. Естественное движение населения в Приморском крае. Стат. сборник. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток, 2009. 75 с.
6. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, разработанная на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 "О Концепции национальной безопасности Российской Федерации" // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.
7. Миграционный прирост по потокам миграции // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://bi.gks.ru:8080/DDB/showcharts.jsp?report=NA000_3p&project=VIPortal_cen_2.bip [Дата обращения: 17.08.2010].
8. Миграция населения Приморского края в 2008 г. Стат. бюллетень с аналитической запиской. Владивосток, 2009.
9. Минакир А.П. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2006. 848 с.
10. Мкртчян Н. Современная миграционная политика Российской Федерации // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический вестник аппарата Совета Федерации РФ № 9 (202). Серия: основные проблемы социального развития России – 64. М., 2003. С. 38-48.
11. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
12. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток–Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 223 с.
13. О концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение правительства РФ от 1.03.2003г. № 256р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 10, ст. 923.
14. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С.Витковской. М.: ИТ "АдамантЪ", 2009. 412 с.
15. Приморский край. Социально-экономические показатели: Стат. ежегодник. Владивосток: Приморскстат, 2009. 318 с.
16. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика:

Дальний Восток и Забайкалье /Отв. Ред П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2003. С.63–227.

17. Российская Газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/09/02/reg-dvostok/zemlyaki.html> (дата обращения 17.09.2010 г.); В Приморье смогут найти работу более 400 участников программы переселения соотечественников // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1253372.html> (дата обращения 17.09.2010); Переселение соотечественников в Амурскую область // Правительство Амурской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24598&rc=24606&p=51208>. [Дата обращения: 17.09.2010].

18. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Современные риски в формировании миграционных процессов Сибири // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 229.

19. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637 г. Москва "О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/06/28/ukaz-pereselenie.html>. [Дата обращения: 17.09.2010].

20. Экономическая безопасность Приморского края. Аналитическая записка. Владивосток: Приморскстат, 2009. 51 с.

21. Яницкий О.Н. Россия как "общество риска": контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 640 с.

22. Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 17-27.